

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 258-271. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.258
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Involvement of Students in the Protest Movement in Russia at the turn of the XIX–XX centuries

Oksana V. Ishchenko ^{a, *}, Timur A. Magsumov ^{b, c, d}

^a Surgut State University, Surgut, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

Abstract

Using ego-documents as the base, the authors are trying to study the process of opposition formation in students of the late-imperial Russia, focusing on the identification of what had inspired the protest actions, as well as methods and techniques employed by representatives of revolutionary parties to target young people.

The main reasons for the involvement of Russian students in active protest at the turn of the XIX–XX centuries included their lack of rights, financial constraints, being not only actual, but also clearly recognized by young people. This made the harsh school regime even more severe, thus leading to strengthening the influence of revolutionary parties in young people. Among the factors shaping the young people's worldview was the modernist family and its environment that included exiled revolutionaries as well. Active reading and the joint singing of revolutionary songs contributed to embracing lofty ideals and formed the spirit of camaraderie especially in conditions of crowded living in private apartments and boarding schools, participation in the work of revolutionary circles.

The revolutionary parties clearly recognized these factors, having developed a set of measures to involve students in the protest movement as well as in their ranks. Starting from conversations on abstract topics that included young people's everyday hardships, the revolutionaries' leaders, being attractive due to their set of moral principles and sometimes appearance, proceeded to proposals for building a new world after overthrowing the current regime, and from that they would turn to involving young people directly in supporting underground activities.

Keywords: studying youth, Russian Revolution of 1905, protest movement, history of education, Russian Empire, reading, revolutionary songs, revolutionary parties.

1. Введение

Молодежь, как особая социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и социально-психологических свойств, давно обособилась в науке в качестве отдельного объекта исследования. Отсутствие жизненного опыта и устоявшихся представлений о морально-этических ценностях определяют подверженность молодых людей внешнему влиянию и наличию специфических форм поведения и сознания (Загребин, 2014). При этом молодежь – наиболее мобильная часть общества, оказывающая значительное воздействие на происходящие в нем изменения.

Учащаяся молодежь, обладающая указанными выше характеристиками с добавлением к ним еще одного важного фактора – получения образования в низшем или среднем учебном заведении,

* Corresponding author

E-mail addresses: oksana5510@yandex.ru (O.V. Ishchenko), nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

на рубеже XIX – XX вв. представляла собой довольно небольшую в количественном отношении, но важную в плане социальной активности категорию населения Российской империи. Именно воспитанники учебных заведений в силу их групповой сплоченности, склонности к массовым действиям были той средой, влияние на которую пытались оказать представители революционных партий. С другой стороны, получавшие образование молодые люди видели несоответствие между официально провозглашаемыми ценностями и реалиями жизни. Обостренно чувствуя несправедливость, впитывая из художественной литературы идеи помощи угнетенным, многие из них стремились изменить существующее положение в обществе, смыкаясь в этом с носителями идей насильственного изменения власти.

При этом, считая достаточно изученными в научной литературе причины недовольства воспитанников учебных заведений своим положением, следует признать, что пути и способы вовлечения учащейся молодежи в протестное движение заслуживают более детального исследования. Следует отметить, что данная проблема не теряет актуальности и в настоящее время.

2. Материалы и методы

2.1. Анализ формирования оппозиционных настроений воспитанников учебных заведений, моральных мотивов их протестных действий, способов и приемов, с помощью которых на молодежь оказывали целенаправленное влияние представители революционных партий, был проведен, в первую очередь, на основании изучения документов, исходящих от самих участников протестного движения: писем, воспоминаний, прокламаций, рукописных изданий. Выделение указанных документов в качестве основной источниковой базы исследования в значительной степени определено тенденциями современной исторической науки, относящей ныне источники личного происхождения не к категории вспомогательных, а к разряду эго-документов, позволяющих перенести центр исследовательского интереса от изучения событий к изучению состояний (Суржикова, 2014: 6).

Весьма важным в этом отношении представляется возможность посмотреть на происходившие события как бы «изнутри», глазами их участника, того молодого человека, который проходил постепенный путь вовлечения в протестную деятельность, формируя при этом соответствующее мировоззрение и убеждения. Однако исследовательская позиция авторов базируется на том, что эго-документ отражает, скорее, не объективную реальность, а отношение к ней его создателя, обусловленное не только личностными характеристиками, но и спецификой времени создания текста. Большинство дошедших до нас писем, листовок и рукописных изданий были написаны в годы первой русской революции и сохранились в архивных фондах благодаря их попаданию в поле зрения правоохранительных органов. Мемуары участников молодежного движения чаще всего собирались комиссиями Истпарта в 1920–1930-е гг. Вполне понятно, что особенности переживаемого исторического периода не могли не отразиться на содержании документов, но не могли и полностью вытеснить личную позицию их создателей.

2.2. Методологической основой проведения исследования стало использование социального подхода, что обусловило выделение категории воспитанников учебных заведений как особого социального слоя со специфическими формами поведения и сознания, находящегося в процессе поиска своего роли и места в социуме. Применение историко-генетического метода позволило проследить формирование протестного мировоззрения учащихся, происходившее как в силу развития собственных нравственных установок, так и под влиянием идей революционных партий.

3. Обсуждение

Основные причины вовлечения учащейся молодежи России в активные действия протеста против власти на рубеже XIX – XX вв. достаточно подробно изучены исследователями (Ганелин, 1950; Константинов, 1956; Ерман, 1966; Ушаков, Образцова, 1999; Ищенко, 2010; Molchanova et al., 2013; Magsumov, 2018; Cherkasov et al., 2019). Впервые интерес к этим вопросам проявился в обществе уже в первое десятилетие XX в., т.е. в период серьезных студенческих волнений, поддержанных значительной частью воспитанников средних и низших учебных заведений (Динзе, 1909; Знаменский, 1909; Радин, 1913). Наряду с поиском объективных истоков сложившейся ситуации, авторы скорее публицистических, нежели исследовательских работ, старались выявить и внутренние мотивы действий учащихся.

В послереволюционный период появляются серьезные исследования, ставившие своей целью показать высокую степень социал-демократического влияния на учащуюся молодежь, и опиравшиеся при этом на широкий круг источников (Титлинов, 1924; Ученические, 1925; Шамахов, 1966). В 1920-е гг. в свет выходит и довольно значительное количество воспоминаний бывших воспитанников учебных заведений, которые в силу относительно небольшого промежутка времени, отделявшего их авторов от периода обучения, являлись очень эмоциональными и информативными (Баранский, 1923; Революционное, 1924). Однако в дальнейшем публикация мемуаров была в значительной степени свернута, а их содержание стало все больше соответствовать строго выверенному курсу истории ВКП (б).

В современной исторической науке в русле усиления внимания к личности в рамках микроисторических подходов, исторической антропологии, интеллектуальной истории складывается представление о том, что моральная составляющая была важным фактором участия молодежи в антиправительственном революционном движении, и это было «одним из его существенных отличий от рабоче-крестьянского движения, в основе которого лежал социальный протест его участников против невыносимых условий жизни, созданных буржуазно-помещичьим строем России» (Волков, б.д.).

4. Результаты

Главной причиной вовлечения учащейся молодежи России в активные действия протеста против власти на рубеже XIX – начала XX вв. исследователями традиционно называлось тяжелое материальное положение воспитанников учебных заведений. Достаточно типичными для страны были данные, озвученные на заседании педагогического совета Омской учительской семинарии в 1903 г., согласно которым «жизнь казенных воспитанников, получающих 10 руб. в месяц стипендии, с каждым днем становится все тяжелее: воспитанники живут впроголодь, не имея ни мяса, ни молока. Такая жизнь при плохом питании должна вредно отразиться как на здоровье, так и на занятиях их» (ИсА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 65. Л. 96).

Не менее важным фактором, способствовавшим проявлениям протеста, являлось фактическое бесправие молодежи. «Признание своих прав, особенно естественных, составлявшее особенно выдающуюся общую черту всех настроений воспитанников, с наступлением освободительного движения у одних выразилось в скромных формах своей зависимости и подчиненности, тогда как в других постоянно обнаруживало стремление к крикливым проявлениям. Мысль и намерение видеть права их попираемыми и стремление ставить свои права выше прав других, стоящих выше их по образованию, общественному положению ... были явлениями, с которыми приходилось так или иначе считаться» (РГИА. Ф. 102. Оп. 15. Д. 258. Л. 58), – отмечалось в отчете Красноярской духовной семинарии за 1910-11 учебный год.

Однако фиксация взгляда исследователей на причины протестной активности учащихся только в плоскости их материально-правового положения не могла и не может до конца объяснить мотивы их действий. Уже в конце XIX в. либеральные издания нередко обращали внимание на моральную составляющую в движении учащейся молодежи. Так, газета «Право» в 1899 г. указывала на то, что немалую роль в волнениях воспитанников учебных заведений играло одно свойство молодежи, утрачиваемое в зрелом возрасте – высокая оценка прав личности, ее достоинства и самостоятельности, при этом нарушение прав другого лица ощущалось молодежью как нарушение собственного права. «Психологически это вполне понятно. Стремление к независимости в мыслях и действиях пробуждается ... еще на школьной скамье, усиливаясь прямо пропорционально гнету школьной дисциплины. Параллельно с ним развивается чувство товарищества, т.е. сознание солидарности с небольшим кружком, поставленным в то же самое положение и переживающим аналогичные душевные состояния. В среднем (особенно закрытом) учебном заведении это чувство проявляется ... в партизанской войне с начальством, в принятии на себя всеми вины нескольких ..., в систематическом сокрытии ... отступлений ... от правил и требований школы», – писало издание (Сибирская, 1899). В статье, по сути, был четко описан путь учащихся от попытки противостоять школьному гнету до объединения в кружки и последующего перехода к борьбе с учебным начальством. Но молодежь шла дальше, борясь и с государством, как виновником сложившегося положения.

И все же первый шаг в этой борьбе был связан с положением учащихся в системе начального и среднего образования, точнее, с их восприятием своего положения в ней. Проведенная в Петербурге в 1903 г. студенческая переписка показала, что в громадном большинстве случаев о школе у студентов сохранились «дурные воспоминания». Из всех учеников хорошо отзывались о школе только 23 %, тогда как 67% «бесповоротно осуждали ее режим». Анкетирования, проведенные в других городах, только подтверждают эту тенденцию. Большинство студентов говорило о «скверно растлевающей атмосфере школы, о развитии в ней шпионства, поощрения доносов, привычки к обманам». Анкеты отразили «злобу и ненависть» по отношению к бывшим преподавателям (Натансон, 1910: 337-339).

Недовольство педагогическим персоналом действительно было общим для всей России явлением. Учащиеся видели в педагогах главных виновников своего бесправного положения, впрочем, и сам педагогический персонал зачастую «едва удовлетворял самым скромным требованиям своего призвания» (ИсА. Ф. 270. Оп. 1. Д. 51. Л. 2-3). На это часто обращала внимание и пресса, бывшая на рубеже XIX – XX вв. основным рупором общественного мнения. Например, газета «Сибирская жизнь» писавшая в 1913 г. о покушении на самоубийство ученика 4 класса Иркутского городского училища Александра Бякова, который после спора с учителем этого училища В.Н. Истоминым пытался повеситься, отмечала: «Истомин не пользуется никакой любовью учеников как придирчивый человек и формалист, по недоразумению взявший на себя ответственное дело, в котором знание души детской – первое дело» (ИсА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 297. Л. 2). Нередко ученики, зная о неотвратимости наказания, совершали оскорбления действием в отношении педагогов, что, как

правило, положительно оценивалось в их среде. Так, нанесение в 1905 г. нескольких пощечин директору одного из реальных училищ Петербурга Волкову получило в воспоминаниях учащихся следующую оценку: «Молодежь безжалостно мстила в его лице подлому союзу науки с мракобесием» (*Революционное, 1924: 10-12, 33*).

Тексты ученических прокламаций также были полны критики педагогического персонала, призывов к борьбе с ним, а далее – и с государством, которое воспринималось как основной виновник сложившегося положения. «Итак, наша борьба по необходимости будет борьбой и с наиболее ярыми служителями темноты, которых среди педагогов весьма много, но мы за этой ближайшей целью не должны забывать конечную цель: борьбу за наше право свободного развития», «Мы не должны забывать, что всех наших педагогов назначает наше русское гнилое правительство», «Долой этот мертвый труп – русское самодержавие! Да здравствует свободная школа, свободное обучение!», «Наша основная задача – борьба с самодержавием и, в частности, с нашим ближайшим школьным начальством» (*ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 487. Л. 3-5, 18-19*), – именно такие лозунги звучали в ученических изданиях, распространяемых в Красноярске в 1904-1905 гг.

Выпускаемые учащимися прокламации, газеты и журналы наряду с критикой существующей реальности содержали описание цели, к которой следует стремиться, предлагая и пути достижения этой цели. Так, в изданной в годы первой революции в России Красноярской ученической организацией «Свечеч» прокламации «К учащимся!» звучал следующий призыв: «Переживаемый Россией исторический момент естественно возлагает на каждого из нас нравственную обязанность определить свое отношение к нему и так или иначе принять участие в общественном движении. Между тем, наша школа, к великому позору ее, до сих пор не освободилась от полицейско-правительственного гнета и своими программами, внутренним распорядком своей жизни, до сих пор еще имеет целью воспитывать из нас верных слуг существующего государственного строя, и, таким образом, является ... орудием в руках правительства ... Сознывая, что такая школа не может помочь никому, в нравственной обязанности каждого – разобраться в окружающих нас явлениях, заявляя о своем взгляде на современную жизнь школы и неудовольствуясь даваемыми ей знаниями, заняться самообразованием с тем, чтобы выработать в своих членах сознательных, самостоятельных и научно мыслящих людей, которые бы сейчас уже приучались разбираться в происходящих вокруг них явлениях общественной жизни, а впоследствии могут выступить в качестве активных общественных борцов за лучшее будущее России» (*ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1496. Л. 5-6*).

В изданном в это же время в Красноярске обращении «Товарищам воспитанникам учительской семинарии» после критики различных сторон жизни этого учебного заведения делался вывод: «Пусть будет вашим боевым лозунгом: «Долой самодержавие, которому нужны шпионы и деспоты педагоги..., на растерзание которых отдало всю чистую, молодую Россию, кровью ее полило улицы городов, юные головы разбивало о каменные плиты мостовых, выбивая из них идеи братства, равенства и свободы, и месть паразитам трудящихся масс!... Нам нужны истинные педагоги,... нам нужна свободная школа, мы хотим жить в свободной России! Да здравствует свобода России и школы!» (*ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1496. Л. 5-7*).

Тексты ученических изданий со всей очевидностью свидетельствуют о том, что недовольство условиями постановки образования и воспитания в учебных заведениях приводило их воспитанников к мысли о недовольстве политикой власти в целом. С. Знаменский, в 1909 г. описывавший основные причины кризиса средней школы, проявившиеся в 1905-1906 гг., рисовал следующую картину: «Школьные беспорядки были неизбежны. Они были вызваны к жизни не злою волей учащихся, но всей совокупностью тогдашних условий. Это был стихийный протест против дальнейшего существования разложившейся средней школы. ... Всюду поднимался протест, и в результате школьное дело стало одной из отдельных маленьких струек, из которых слагался громадный поток русской революции» (*Знаменский, 1909: 14*).

Учебное начальство на местах тоже было склонно объяснять поступки учащихся «действием со стороны внешней ... среды и духовно-нравственной атмосферы» (*РГИА. Ф. 102. Оп. 15. Д. 258. Л. 43*), признавая одним из основных факторов внешнего воздействия влияние на молодежь со стороны революционных партий. И, действительно, стремление молодых людей к переменам и отстаиванию своих прав было использовано представителями социалистических партий, выдвигавших привлекательные для молодежи идеи и целенаправленно воздействовавших именно на эту категорию населения. В.И. Ленин в статье «Кризис меньшевизма» писал: «Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всего охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы со старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь» (*Ленин, 1972: 163*). И эта политика достаточно успешно реализовывалась на местах. Как отмечалось в «Объединенном очерке истории рабочего движения в Омске в 1898–1907 гг.»: «Еще в зародышевом периоде (1902-1903 гг.) на молодежь было обращено усиленное внимание партработников и парторганизаций. Молодежь – она смелее, восприимчивее: молодежь должна в будущем заменить старых бойцов, усвоив их знания и опыт революционной деятельности и продолжать их дело» (*Иса. Ф. П-19. Оп.1. Д. 7. Л. 23*).

Воздействие на молодежь давало свои плоды, и, как писала бывшая гимназистка

Т. Неслуховская: «Для нас, революционно и социал-демократически настроенной учащейся молодежи, большевизм представлял тогда из себя самую ясную, активную и не терпящую никаких компромиссов тактику. Смело «брать быка за рога» для наших молодых сердец, рвущихся к политической борьбе, – этот девиз был самым близким» (*Революционное, 1924: 59*).

Бесспорно, радикальные призывы и громкие лозунги революционных партий, эмоционально воздействуя на юношество, находили отклик в их сердцах, но зачатки для этого воздействия формировались, в ряде случаев, уже в детстве. Влияние на формирование мировоззрения учащихся начиналось еще в семье, значительно менявшей свой облик в эпоху модернизации.

Выпускник Томской мужской гимназии, а впоследствии – студент Томского университета и активный деятель Сибирского социал-демократического союза Н.В. Баранский в своих воспоминаниях довольно подробно описывал влияние на него тех идей, которые он ребенком усвоил в родительском доме: «Отец мой – учитель гимназии – был человеком крупного ума и широкой натуры. При всей своей беспорядочности и противоречивости в двух отношениях он был очень упорен и постоянен: все свободное время он отдавал делу народного просвещения и всю жизнь вел борьбу с «чинодральством». «Свобода – прежде всего, а всякое начальство – подлец», – такова была его любимая поговорка и принцип воспитания» (*Баранский, 1923: 9*). Неудивительно, что в такой семье и дети сделали выбор в пользу новых освободительных веяний. «Первые марксистские влияния я воспринял от своих старших сестер – Любви и Надежды, которые, учась в Питере на курсах, участвовали в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» и, приезжая на летние каникулы, «давали мне агитацию» на темы прибавочной стоимости и т.д., – отмечал Н.В. Баранский (*Баранский, 1923: 9*).

Будущий активный деятель социал-демократического движения в Омске А. Карлов в своих воспоминаниях так описывал свои первые шаги в революционном движении: «Будучи учеником Омского технического железнодорожного училища в 1902 г. (мне было 17 лет) однажды майским-июньским утром мой двоюродный брат Васильев Василий Сергеевич, ровесник мне, передал по его выражению какой-то запрещенный, напечатанный на тонкой бумаге лист, который мы вместе с ним, избрав удобное для чтения время, принялись с жадностью читать. Чем больше проходило перед нами строк, тем больше у нас являлось желание закончить это чтение, т.к. содержание читаемого нас начинало интриговать, а смысл прочитанного подтверждал то, что мне еще в деревне приходилось слышать в конспиративных разговорах моего дедушки и петербургского студента-технолога, моего дальнего родственника Шерстобитова. Чтение закончено. Решаем бумажку сохранить и спрятать, т.к. она по своему содержанию нам очень понравилась». Это была социал-демократическая прокламация, «за которую жандармы сажали в тюрьму» (*Иса. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 58. Л. 76*).

Документы свидетельствуют о том, что многие учащиеся впервые услышали об общественной несправедливости, о партиях от родственников и знакомых. Так, будущий известный революционер В.В. Куйбышев, учившийся в Омском кадетском корпусе, приходился племянником омскому социал-демократу Николаю Николаевичу Гладышеву, с которым он вел беседы на политические темы (*Иса. Ф. 270. Оп. 1. Д. 578. Л. 127-128*). Гимназистка Т. Неслуховская, согласно ее воспоминаниям, вступила в 1906 г. в Петербургскую социал-демократическую организацию учащихся средних учебных заведений под воздействием общего настроения молодежи того времени и влиянием тети, которая сама была социал-демократкой (*Революционное, 1924: 59*). При этом способствовать формированию критического мышления молодого человека могли не только родственники, но и люди, находившиеся рядом. Так, в воспоминаниях бывшего петербургского гимназиста З. Шидловского, отмечена роль рабочего, у которого его семья снимала комнату. Автор много беседовал с рабочим, тот давал ему прокламации (*Революционное, 1924: 72-91*).

Кроме семьи и ближайшего окружения огромное влияние на процесс вовлечения молодежи в деятельность революционных организаций оказывали высланные студенты и политические ссылки, что отчетливо осознавалось властями. Еще в 1882 г. член комиссии МНП В.К. фон-Плеве писал о том, что исключение студентов способствует появлению контингента, из которого «крамола вербует себе деятелей»: «В бездействии, нужде и лишениях исключенные из учебных заведений молодые люди ожесточаются против всего общественного и государственного строя, из них те, которые только склонялись прежде к учениям крамолы, теперь вполне проникаются ими, причем подвергшиеся ссылке уже в местах оной начинают оказывать вредное влияние на местное население, а по возвращении из ссылки становятся деятельными агитаторами тайных обществ и в их духе действуют среди своих товарищей, растлеывая их умственно и подстрекая их ко всякого рода беспорядкам» (*Материалы, 1906: 2*). В 1902 г. военный губернатор Акмолинской области писал омскому полицмейстеру: «Удаляемые за участие в беспорядках из университетских городов в другие местности империи воспитанники высших учебных заведений, а также лица, скомпрометированные в политическом отношении, весьма нередко вступают в близкие сношения с местною учащейся молодежью, знакомят ее с противоположительными воззрениями и вообще оказывают на учащихся вредное влияние, подготавливая их, в будущем к революционной деятельности» (*Иса. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1107. Л. 8*).

И эта подготовка была достаточно успешной. Под влиянием товарищей, родственников,

студентов, прочитанной литературы будущие абитуриенты высших учебных заведений уже представляли себе свои студенческие годы примерно так, как описывал это литератор и издатель А.Н. Тихонов (Серебров): «Пребывание в институте представлялось мне в таком приблизительно виде: утром – неукоснительное посещение лекций, где знаменитые ученые будут знакомить меня с тайнами высшей математики и физики; после посещения лекций – скромный обед в институтской столовой, о которой я знал по рассказам Лескова, будто там, в потайных комнатах собираются подпольные кружки, на стенах висят прокламации и куда никакое начальство не смеет совать своего носа; по вечерам – земляческие собрания и рефераты по политической экономии или, на худой конец, коллективная работа в чертежных с пением запрещенных песен» (Волков, б.д.).

Большую роль в формировании критического и даже зачастую протестного мировоззрения играло чтение, в том числе классиков русской литературы, обращавших внимание читателей на несправедливость русской жизни, угнетенное, униженное положение народа. Проведенная в 1907-10 гг. университетская перепись в Юрьеве показала, что наибольшее влияние из литературных авторов на студентов имел Л.Н. Толстой (45 %), затем шли К. Маркс, Д.И. Писарев и Ч. Дарвин (Натансон, 1910: 343-345). Во многих воспоминаниях подчеркивается значимость прочитанных в детстве книг. Об этом писала, например, бывшая ученица Пермской гимназии Н.Л. Касаткина-Михалева, которая много читала И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Д.И. Писарева, В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова: «Думаю, что это чтение сделало меня хоть и маленьким, но неподкупным борцом за справедливость и свободу» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 223. Л. 2).

Учащимся было фактически запрещено читать подобных авторов, поэтому они заводили свои нелегальные библиотеки, что спланивало учеников и давало возможность нелегально сорганизоваться. Так, согласно воспоминаниям воспитанника Омской учительской семинарии Кочнева, у учащихся была своя библиотека, в которой находилась экономическая литература, беллетристика, романы из народной жизни, «затем Писарев, Белинский, их нельзя было взять тогда ни в какой другой библиотеке» (ИсА. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 58. Л. 67). При расследовании революционного движения в Тобольской духовной семинарии было выяснено, что еще в 1884 г. при семинарии возникла тайная библиотека, в которую вошли сочинения Н.А. Добролюбова, К. Маркса и др. (Титлинов, 1924: 57) Бывший ученик петербургской гимназии З. Шидловский тоже отмечал, что гимназисты увлекались чтением, особенно по естествознанию, используя полученные знания для того, чтобы задавать «каверзные вопросы» законоучителю (Революционное, 1924: 72-91).

Следует отметить, что стремление к чтению, а, вместе с ним, и к самоорганизации, было характерно не только для старшекласников. Младшие школьники во всем подражали старшим, рано знакомясь с опытом запрещенной деятельности. Упоминания об этом имеются в письме, отправленном из Енисейска студенту С. Абалакову в Петербургский университет в марте 1908 г.: «У нас, у младшекласников, существует кружок, при котором библиотека, подстроенная под настроение кружка ... Мы, младшекласники, берем книги в библиотеке «для учащихся», но там царят старшекласники и выписывают книги по своему вкусу, а мы всегда в стороне. Теперь у нас есть своя собственная кружковская библиотека, где уже более 400 книг» (ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1908. Д. 37. Ч. 68. Л. 1).

Однако чтение было не только пассивным фактором формирования соответствующего мировоззрения. Оно использовалось представителями революционных партий для вовлечения учащихся в партийную деятельность, позволяя «нащупать почву» в этой среде. В воспоминаниях П. Тузовского содержится описание того, как пытавшийся в 1911 г. восстановить работу социал-демократической организации в Барнауле после ее разгрома профессиональный большевик Иннокентий Стуков начал свою работу с молодежью с чтения и разбора произведений И. Тургенева: «После каждой читки открывались прения; некоторые из присутствующих брали на себя обязанность защищать того или другого героя из произведений Тургенева, тем самым определялись положительные и отрицательные стороны героев, в то же время выявлялись знания и активность членов кружка» (ГААК. Ф. П-1061. Оп. 1. Д. 49. Л. 1).

В целом, роль чтения как первого шага на пути вступления молодого человека в ряды противников самодержавия отражена в мемуарах бывшей учащейся г. Енисейска следующим образом: «Обозревая свои воспоминания, я вижу в далеком прошлом влияние на молодежь публицистической литературы, зарождение элементов недовольства, бунтарства и как они прорвались наружу во время Февральской революции, революционная волна понесла их с бешеной быстротой в общий политический поток» (РГАЛИ. Ф. 1785. Оп. 1. Д. 171. Л. 1).

Важным фактором сплочения учащихся было и совместное пение революционных песен, что создавало соответствующее настроение, способствовало единению. Бывший воспитанник Казанского реального училища, а впоследствии активный социал-демократ В.Н. Залежский вспоминал в 1922 г., что он, как и другие реалисты, преисполнились жгучим интересом к студенческому движению, когда услышали рассказы о волнениях в университетах, услышали песню «Нагаечка». «С этого дня, – писал он, – мы всей душой были со студенческим движением. Жадно ловили все слухи и сведения о ходе забастовок, зачитывались воззваниями и прокламациями» (Волков, б.д.).

Не менее серьезное значение коллективному пению как элементу пропаганды придавали и

представители правоохранительных органов. В документах Енисейского губернского жандармского управления в декабре 1905 г. был зафиксирован факт раздачи проживавшим в с. Большеулуйском студентом Томского университета Константином Поповым ученикам местной начальной школы текста песни «Отречемся от старого мира», которую они «пели во всеуслышанье» (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 593. Л. 1-2, 8). В 1906 г. тем же жандармским управлением был отмечен случай нового коллективного пения: 8 февраля в Общественном собрании г. Енисейска группа гимназистов, гимназисток, студентов и учителей пела революционные песни «Вставай, подымайся...», «Дубинушка», «Отречемся от старого мира», «Вы жертвою пали» и др. По утверждению жандармов, певшие (около 40 человек) устроили демонстрацию, «выразившуюся в хождении по театру с пением революционных песен» и разошлись только под угрозой вызова полиции (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 584. Л. 35). Мотивы данного поступка пояснил на допросе единственный признавшийся в нем – 17-летний бывший гимназист Александр Соболев, который заявил: «Я, хотя и не певчий, принимал участие, дабы показать наступившей реакции, что мы, часть молодежи, не испугались репрессий и желаем продолжать работу в пользу социал-демократической республики». При этом он благомерно отказался назвать имена других участников коллективного пения (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 584. Л. 48).

Н. Яковлев, учившийся в 1904-1905 гг. в реальном училище Санкт-Петербурга вспоминал, что у учеников были тетрадки, начинавшиеся с материала по предмету, а дальше шли революционные песни, прокламации, открытки с изображением политических деятелей и «картинами отдельных моментов революционного движения». «Таким образом, мы сразу знакомились и с тогдашним репертуаром, и с «иконографией», и с революционно-партийной литературой». «Знакомство с революционными песнями, распространение текстов и пение их было для большинства первым актом, выразившим их революционную настроенность», – отмечал автор (Революционное, 1924: 10-12).

Сплоченность действий порождала в учениках «зловредный дух товарищества» (Революционное, 1924: 28). Это товарищество чаще всего и формировалось с детских лет, определяя в дальнейшем многие моменты взрослой жизни. Так, например, в Обзоре революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 гг. отмечалось, что в Иркутске в 1899 г. под влиянием политических ссыльных образовался тайный кружок, в котором проводилось чтение нелегальной литературы и обсуждение прочитанного. В числе членов кружка было два сельских учителя, воспитанник военной фельдшерской школы, рабочий и нижний воинский чин. «Но отмечаемая смешанность состава теряет свое значение, если привести на справку, что все названные лица познакомились между собою ранее в бытность свою воспитанниками учебных заведений г. Иркутска» (Нимандер, 1908: 4-5).

Еще одним фактором, способствовавшим распространению протестных идей и сплочению обучающихся, была скудность проживания на частных квартирах и в интернатах. В воспоминаниях воспитанника Омской учительской семинарии Кочнева сделан акцент на том, что учащиеся жили на квартирах по 5-6 человек, что облегчало пропагандистскую работу (ИсА: Ф. П-19. Оп. 1. Д. 58. Л. 67). В работе Б. Титлинова тоже отмечено, что распространению революционных идей в среде семинаристов способствовала не только их близость к студенчеству, но и тесная сплоченность, складывавшаяся при проживании в интернатах (Титлинов, 1924: 126).

Близкое и тесное общение, желание совместно отстаивать свои интересы вынуждало учащихся бороться за право создания собственных организаций, выдвигая это требование в качестве одного из основных в своих петициях. Но фактически с момента их создания кружки, даже легальные, становились местом сбора молодежи и, следовательно, местом агитации. Как отмечается в воспоминаниях, когда петербургские гимназисты в 1912 г. добились права организовать шахматный кружок, то «у шахматной доски проводили время за какими угодно беседами» (Революционное, 1924: 113). Издаваемый иркутскими учащимися журнал «Братство» в 1903 г. писал, что «ученики, страстно жаждущие знания, но не получающие его от учителей» для удовлетворения своих умственных потребностей «образуют кружки иногда для целей саморазвития, иногда же революционных» (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 12. 1903. Д. 1090. Л. 3-4). Вполне понятно, что на эти кружки пытались оказать воздействие представители революционных партий. По воспоминаниям Гути Юринской, в Енисейске в 1915 г. она участвовала в подпольном кружке самообразования: «В нем состояла Дора Кваш, ... , Гутя Юринская, Кеша Бруданцев, Петя Григорьев, Петя Неробелов и др... Руководил этим кружком Валентин Яковлев – большевик... Читали они... «Экономические очерки», вели разговоры, увлекались занятиями» (РГАЛИ. Ф. 1785. Оп. 1. Д. 171. Л. 1-6).

При этом не стоит сбрасывать со счета свойственный молодости интерес к тайне, риску, опасности, конспирации. В воспоминаниях Е.А. Моникайнен содержится упоминание о том, что в 1915 г. В женской гимназии Петрограда под именем литературного был организован социал-демократический кружок. В кружке состояли убежденные социал-демократы, но «часть ... пришла в кружок в поисках конспиративной таинственности, в поисках некоторого осмысления своего существования, в расчетах разрешить муки философских ницшеанско-шопенгауэровских настроений» (Революционное, 1924: 171-172).

Участие в нелегальном кружке окружалось ореолом тайны и возвышало ее носителя над окружающими, как это отмечено в воспоминаниях не установленного автора о революционных

событиях в Енисейске: «Наша одноклассница Люда Попова сообщила нам на ухо о том, что у гимназистов есть тайный кружок, что из гимназисток только она одна бывает там, а состоит там Федя Лыткин, Белинский Кеша, Курочкин, Доронин, Буданцев, Буянов... Мы позавидовали Людке, что именно ее пригласили в кружок» (РГАЛИ: Ф. 1785. Оп. 1. Д. 171. Л. 1-6). Воспитанница женской гимназии Петербурга А. Афанасьева вспоминала по поводу приглашения на организационное собрание по устройству политического кружка молодежи: «Это очень секретно – могут открыть нас! Как же не пойти, когда это даже опасно? Мы взволнованно обсуждаем предложение и уже в гимназии держимся заговорщиками» (Революционное, 1924: 94).

Чтение легальной и нелегальной литературы, совместное обсуждение общественных проблем приводили учащихся к мысли о бедности народа и необходимости сочувствия ему. В воспоминаниях А. Афанасьевой описывается, что две ее подруги жили очень скромно, «но и эта обстановка им казалась буржуазной, и они всегда мечтали об уходе из дома» (Революционное, 1924: 92-93). Сама автор воспоминаний писала в дневнике: «Быть богатой нехорошо, безнравственно. Когда я здесь в деревне прохожу лучше одетая, чем крестьяне – мне стыдно. Что ни говори, а равенство – естественное состояние людей. Когда будет равенство, тогда и гармония в мире настанет» (Революционное, 1924: 109). Молодежь «грешила ... излишней суровостью и пуританством», ориентируясь на простых крестьян и рабочих (Революционное, 1924: 167).

Порицая тяжелую действительность, многие воспитанники учебных заведений под влиянием прочитанной литературы, и особенно революционной пропаганды, проникались верой в светлое будущее. Нередко даже в личной переписке учащиеся писали друг другу о возвышенных идеалах, придавая своим посланиям характер пропагандистских речей, что свидетельствовало о взглядах их авторов. Весьма примечателен текст письма, написанного в 1906 г. бывшему воспитаннику Оренбургской мужской гимназии ученику аптекаря Мордуху Ратнеру его таким же молодым товарищем: «Дорогой друг! Мое перо не в силах описать тебе ту минуту наслаждения и радости, какую я испытал, прочитав твое последнее письмо, в особенности в той его части, где ты, не теряя надежды на победу пролетариата в его борьбе с деспотизмом, призываешь юное поколение сделать решительный к тому шаг, не жалея своей собственной жизни для блага ближнего... Да, друг! Бушует море жизни... Оно все наполнено кровью спасателей народа, но это не остановит людей, борющихся сознательно за свои убеждения... Арестами и расстрелами наше правительство ничего не добьется, наоборот – оно только возбуждает страсти у тех, которые не только индифферентно, но даже враждебно относились к голосу пролетариата и всего цивилизованного мира... А мы, подрастающее поколение, являемся свидетелями этих ужасов, которые совершаются правительством повсюду. И наступит день, когда мы скажем: «За что!» За что вы угнетаете народ? За что притесняете рабочий класс?.. И еще много за что скажем!..» (Иса. Ф. 270. Оп. 1. Д. 499. Л. 11-12).

Подобные мотивы звучали и в нелегальных изданиях воспитанников учебных заведений. Например, издававшийся в Красноярске гектографированный журнал «Школа и жизнь» поместил на своих страницах стихотворение о событиях Кровавого воскресенья, в котором умирающий мужчина говорит жене: ««Скажи ты детям, что благословляю / их на борьбу за право, честь свою, / и, умирая, свято заклинаю / служа свободе, умереть в бою!» (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1496. Л. 21-24). «Розовая юность, пора светлых мечтаний и искреннего желания отдать все свои силы работе за лучшее будущее человечества», – именно это, по словам бывшего учащегося А. Ильина, определяло поведение многих представителей учащейся молодежи (Революционное, 1924: 125).

Благородный пафос мыслей и текстов значительной части учащихся во многом формировался на основе адресованных им текстов революционных воззваний. Высокий слог, яркие лозунги, призывы, противопоставление серой действительности и светлой картины будущего не могли не привлекать молодежь. Вот как звучали эти лозунги в передовой статье «К товарищам!» большевика Ф. Лыткина в гектографированном журнале учащихся «Наша работа», вышедшем в свет в январе 1915 г.: «Юноши, сбросьте эту пелену оупения, прозябания, проклятого равнодушия к истине и лжи! Взгляните вокруг. Неужели вы не видите той духовной обнищанности, той бесстыдной торговли своим «я», которой полна окружающая жизнь? Все продано. Все обращено в источник доходов. Сорвите с ваших глаз все повязки, стряхните все серые сны..., и перед вами развернется новая картина величайшей борьбы! От моря до моря, от океана до океана во имя счастья человечества, во имя солнечности грядущего движутся дружные пролетарские рати! Над ними реют знамена свободы! Победные песни зовут на борьбу! Вставайте, юноши! Идите смело! Пора!» (Очерки, 1966: 187-188).

Что еще способствовало вовлечению молодежи в революционные кружки? Личности их лидеров, активных деятелей, притягивавшие к себе других, как магнитом. В среде участников протестного движения со времен народничества складывался светлый образ борца, мученика за народное дело, обладавшего высокими нравственными качествами. Поэтому во многих мемуарах содержится описание практически идеальных рыцарей революции, стремление подражать которым определяло поведение их последователей. Так, в воспоминаниях З. Могилевской об известном сибирском революционере Залмане Лобкове, бывшем ученике Тюменского коммерческого училища, говорилось: «В своих требованиях был очень скромный, ... и был очень общительным с людьми... Залман был очень чуткий, отзывчивый, большой души человек, в каждом встречном ... человеке он

видел только хорошие черты» (Иса. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 443. Л. 35-36). Простодушно о характере Лобкова высказывалась и его сестра: «Он не пил, не курил. Был чрезвычайно добрым человеком, очень отзывчивым. Одевался он просто... Денег никогда не было, а когда деньги были, он их раздавал. Ничего не стоило любому прийти и сказать, что он хочет кушать, чтобы Залман высыпал все, что у него было» (Иса. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 443. Л. 6). В похожих выражениях в мемуарах рисуется моральный облик будущего революционера, а в начале XX в. – ученика Тобольского сельскохозяйственного училища С. Завьялова: «В нравственном отношении Сергей был весьма скромным человеком и его этический уровень всегда был высок. Он не курил, не пил, в беде всегда помогал товарищу, был отзывчив к нуждам других. Как товарищ Сергей был очень славным человеком. Чувство солидарности в нем было развито в очень сильной степени» (Иса. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 181. Л. 3).

Глубокая вера в торжество идеалов и стремление отдать все, даже жизнь, за победу революции нашли свое отражение в воспоминаниях Е. Ревзон о В. Куйбышеве: «Помню, как при встрече он стал рисовать мне прекрасные картины борьбы и его будущей роли в этой борьбе. Я ему верила, верила потому, что он был всегда прямым, честным и верным себе в каждом своем слове, в каждом своем шаге» (Иса. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 407. Л. 15). При этом не стоит сбрасывать со счета и мотив личного обаяния, привлекательной внешности, что гораздо реже отражалось в источниках личного происхождения. Но по воспоминаниям бывшей гимназистки, она познакомилась с В. Куйбышевым в г. Петропавловске во время избирательной кампании во II Думу, когда подруга позвала ее на вечеринку. Там было много публики: реалисты, гимназисты, рабочая молодежь и пр., в том числе один студент: «Он был высокий, с пышной вьющейся шевелюрой, с большими серыми глазами», хорошо танцевал, был общителен и сразу же привлекал внимание. Во время танца Куйбышев завел с девушкой разговор о прочитанных книгах, «и таких вопросах, к которым я совсем не была готова... Потом в каждый его приезд в Петропавловск я обязательно бывала на вечеринках. Я уже знала, что танцы устраиваются для того, чтобы привлечь молодежь и не возбуждать подозрения полиции» (Иса. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 398. Л. 21-22).

Однако следует отметить, что активным участником событий мог стать не идеальный герой, а человек склонный к риску, агрессии, которая тоже находила свой выход в протестных действиях. Например, один из самых активных «обструкционистов» в реальном училище Петербурга Павел В. в 1905 г. бесстрашно разбрасывал в здании баночки с сероводородом для срыва занятий. «А давно ли этот легендарный в те дни герой ... был просто отчаянным мучителем маленьких ребятишек...?!» (Революционерное, 1924: 10-12), – восклицал в своих воспоминаниях Н. Яковлев.

И все же успешная работа представителей политических партий и организаторов кружков самообразования в среде учащихся не могла быть успешной без наличия определенных приемов их вовлечения в протестное движение. Так, например, семинаристы были нужны представителям революционных партий, поскольку были близки к деревне и могли нести туда идеи освободительного движения. Но «революционная агитация, вербуя себе сторонников в семинарской среде, на первый план выдвигала не политические, а школьные цели» (Титлинов, 1924: 13).

О приемах пропаганды бывшему воспитаннику Семипалатинской мужской гимназии и Томского учительского института В. Солодовникову в 1906 г. откровенно писал революционер-подпольщик Феоктист Березовский: «Вы пишете... что у Вас спячка, это для Вас хорошо. Вот где можно поработать!... Ведь чинуши – это воск, из которого лепи, что угодно. Только сумейте подойти... А подходить к ним надо исключительно со стороны их мелких житейских интересов..., но помните... непременное условие всякой агитации – как можно меньше говорите сами, а лишь только наталкивайте собеседника на проклятые вопросы, заставляйте их самих разбираться в совершающемся и только помогайте распутаться» (Иса. Ф. 270. Оп. 1. Д. 479. Л. 3-4).

Довольно бесхитростно описывал способы студенческой революционной пропаганды в своих воспоминаниях омский рабочий Константин Плюхин: «Помню как сейчас в 1903 г. летом за линией железной дороги собралось человек 8 кружок – расположились в лесу на траве, ждем интеллигента (кружок собрался первый раз). Приходит интеллигент в шляпе, черной накидке, небольшого роста, черная клином борода. Конечно, сначала поздоровался, спрашивает: «Собрались?», мы говорим: «Да. Вот Вы нам что-нибудь расскажите». И начал нам рассказывать что называется с азбуки, с построения человека, о клеточках, их изменении, захватывая наше внимание тем, что мы видели, но не разбирались, самыми простыми примерами он будил нашу мысль. Таких лекций мы прослушали около 3-х в течение 1,5 или 2-х месяцев. Потом ... уже нашего товарища не стало появляться, или он был арестован, или сбежал. Правда он предупреждал нас при первом нашем знакомстве, что мы должны сразу сказать себе, как мы должны жить, нас ожидают преследования от жандармов, нам придется несколько раз посидеть в тюрьмах, я сам, говорит, был в ссылке, бежал и опять попал, и так бесконечно будет до тех пор, пока не повесят и не расстреляют» (Иса. Ф. П-19. Оп.1. Д. 58. Л. 14).

Бывший ученик Омского технического железнодорожного училища А. Карлов в «Воспоминаниях о революционном движении 1902-1905 гг. и о моем участии в нем в г. Омске» детально описывал свои первые шаги в направлении нелегальной деятельности. Так, по словам автора, в июле 1904 г. он стал брать частные уроки по алгебре у томского студента-технолога Аркадия

Эпштейна, который «судя по одежде, был чрезвычайно беден». После одного из уроков зашел разговор о литературе: «В этом разговоре Эпштейн давал мне советы какую литературу читать и воспользовавшись отсутствием других своих учеников сказал мне, что у него есть очень хорошая литература и просил меня одного задержаться у него после урока – побеседовать, на что я охотно согласился. Во время этой беседы он поинтересовался какая литература мне больше всего нравится, на что я без стеснения и опаски ответил, что «нелегальная». Такой мой смелый ответ объясняю тем, что мне ранее приходилось слышать, что почти все бедные студенты занимаются политикой. К описываемому моменту я уже знал, что в нелегальной литературе пишут только о политике. Эпштейн сказал, что это хорошо, предупредил о могущих быть последствиях, предосторожностях, и, очевидно, убедившись, что в этом отношении /я/ свой человек, подошел к своей корзине, вынул несколько книжечек ... и попросил выбрать 1 или 2 из них» (ИсА. Ф. П-19. Оп.1. Д. 58. Л. 76-77). В дальнейшем А. Карлов сам стал вести подпольную работу в пролетарской среде и стал убежденным революционером.

Достаточно типичным представляется и путь в революцию, проделанный ученицей Тобольской акушерско-фельдшерской школы, а впоследствии известным советским и партийным деятелем Ксенией Чудиновой. В своих мемуарах она пишет о том, что рано осталась без отца, и ее мать, чтобы прокормить семью, пустила в их дом в небольшом сибирском городке Ишиме постояльцев – политссыльных. Именно они открыли автору «другой уровень незнакомой мне жизни – доброй, товарищеской, в ней был возвышающий их помыслы смысл, их объединяла высокая нравственность. И это мне очень нравилось» (ИсА. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 805. Л. 198). Политссыльные вели большую работу среди рабочих и учащихся, стараясь «помочь нам, молодежи, даже подросткам, разобраться в обстановке, найти правильный путь в жизни». Так, политссыльная Раиса Григорьевна Миркина «снабжала нас книгами, рассказывала о революционерах того периода, учила нас революционным песням, в общем, исподволь готовила к восприятию более серьезной работы в подполье» (ИсА. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 805. Л. 128-197). Учительница Ишимской женской прогимназии Ольга Ивановна Кумилова и ее муж – член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Александр Ермилович Карякин вели «большую работу по воспитанию молодежи». «Сколько добра сделали они нуждающимся людям, помогали молодым подготовиться к экзаменам в высшие учебные заведения, приняли участие и в моей судьбе», – отмечала К. Чудинова (ИсА. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 805. Л. 198). На добро хотелось ответить добром, поэтому Ксения часто выполняла их просьбы: передать записки, посмотреть – нет ли городского, однажды передала пакет, в котором была нелегальная газета. Так постепенно девушка делала первые шаги на поприще подпольной деятельности.

Следующим шагом юной будущей революционерки было вступление в кружок, которым руководил ссыльный социал-демократ Эразм Самуилович Кадомцев: «Он с большим упорством занимался со мной... Первые знания, что такое социал-демократия, я получила именно от него. ... Я сначала под влиянием личного обаяния тов. Кадомцева, а потом постепенно разбираясь в существе споров стала считать себя социал-демократкой большевичкой». Особенное влияние на девушку, «так же как и все население города Ишима», оказал принципиальный отказ Кадомцева принять медаль за участие в русско-японской войне: «Мы, молодежь, считали этот поступок героическим и старались подражать ему» (ИсА. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 805. Л. 4-7).

В 1911 г. Кадомцев настоял, чтобы Кения поехала учиться в Петербург в акушерско-фельдшерскую школу, и дал ей письмо к своему брату. Тот привлек ее к подпольной работе, заключавшейся в доставке нелегальной литературы. В 1912 г. как политически неблагонадежная девушка была отчислена из учебного заведения и вернулась в Сибирь, где продолжила обучение в акушерско-фельдшерской школе г. Тобольска. В 1914 г. она вновь была отчислена из школы за участие в ученических кружках и в большевистском кружке политссыльных, которым руководил социал-демократ Н.М. Немцов (ИсА. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 805. Л. 4-7). Переехав в Москву для обучения в народном университете Шанявского, Ксения проложила заниматься политической деятельностью и в 1914 г. по рекомендации тобольских большевиков была принята в РСДРП, став одним из активных партийных деятелей.

Таким образом, мемуары воспитанников учебных заведений наглядно отражают факторы, способствовавшие вовлечению молодых людей в деятельность противоправительственных организаций, к числу которых следует отнести привлекательный моральный облик ссыльных революционеров, постепенность их действий в отношении формирования нового мировоззрения учащихся: от создания кружков, проведения бесед, чтения книг и пения революционных песен к выполнению небольших просьб, а в дальнейшем – более важных и рискованных поручений. Итогом же пройденного пути становилось пополнение рядов революционных партий убежденными идейными борцами.

При этом, как авторы воспоминаний, так и многие современные исследователи склонны видеть в активном вовлечении молодежи в действия против власти вину самой власти: «Самодержавие, отчуждая наиболее активную в гражданском и политическом отношении часть общества от участия в управлении, тем самым направляло общественный протест в радикальное русло, накапливая революционный потенциал. Оно не желало видеть в своих подданных граждан и считаться с ними,

а граждане – лояльно относиться власти. ... Общественное сознание мучительно трудно преодолеvalo стереотипы авторитарного мышления, и крайности революционизма были своеобразной данью, которую платила российская демократия на пути к подлинной политической и гражданской культуре» (Федорова, 1996: 82).

5. Заключение

Основные причины вовлечения учащейся молодежи России в активные действия протеста на рубеже XIX – XX вв., включавшие тяжелое материальное положение значительной части учащихся, ущемленное правовое положение, тягостную обстановку в учебных заведениях и жесткий внешкольный надзор, одинаково действовали на всех представителей этого социального слоя. Однако в рядах оппозиционных и революционных организаций оказывалась лишь часть из них.

Проведенное исследование документов, исходивших от самих участников протестного движения (воспоминаний, писем, изданий), показало, что влияние на формирование их мировоззрения оказывало ближайшее окружение молодых людей, в которое входили не только родственники, но и ссыльные революционеры. Чтение легальной и нелегальной литературы способствовало восприятию возвышенных идеалов, осознанию бедности и униженного положения простого народа, желания бороться за его освобождение. Широкому распространению протестных идей способствовали скученность проживания на частных квартирах и в интернатах, участие в кружковой деятельности, чувство товарищества, а также свойственный молодежи интерес к тайне, риску, опасности, конспирации.

Учитывая эти факторы, представители революционных партий использовали набор постепенных действий для вовлечения юношей и девушек в свои ряды. Первым шагом на этом пути становились беседы на отвлеченные темы или чтение разрешенных книг, затем следовал переход к обсуждению тяжелого положения учащихся и всего народа. Далее предлагался иной вариант развития, возможности построения светлого будущего после свержения нынешней деспотической власти. Молодые люди охотно проникались идеей необходимости страдания за народ и готовности идти на жертву во имя этой идеи. Необходимый эмоциональный фон создавало пение революционных песен, личное обаяние пропагандистов, яркие лозунги и призывы, такие, которые звучали, например, в стихотворении, опубликованном в издаваемом группой иркутских гимназистов журнале «Братство»: «Подымайте выше знамя, защищайте угнетенных, / погибающих во мраке, просвещеньем ободенных... / И три слова всю окрестность оглашая пронесутся: / «Братство, равенство, свобода». / И враги, слышав крики, испугавшись, разбегутся» (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 12. 1903. Д. 1090. Л. 3-4).

Литература

Баранский, 1923 – Баранский Н. В рядах сибирского социал-демократического союза (воспоминания о подпольной работе 1897–1908 гг.). Новониколаевск, 1923.

Волков, б.д. – Волков В.С. Моральные мотивы участия студенческой молодежи в антиправительственном движении (конец XIX – начало XX вв.) / *Международная научная конференция VII Плехановские чтения «Россия начала века XX: вступление в эпоху исторических преобразований»*. [Электронный ресурс]. URL: <http://nlr.ru/tus/300505/volkov.pdf> (дата обращения: 04.01.2020).

ГААК – Государственный архив Алтайского края, г. Барнаул, Россия.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края, г. Красноярск, Россия.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Ганелин, 1950 – Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. Ленинград; Москва, 1950.

Динзе, 1909 – Динзе В. Очерки по истории среднешкольного движения. Санкт-Петербург, 1909.

Ерман, 1966 – Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. – Москва, 1966.

Загребин, 2014 – Загребин В.В. Подходы к определению категории «Молодежь» // *Концепт*. 2014. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-kategorii-molodyozh> (дата обращения: 04.01.2020).

Знаменский, 1909 – Знаменский С. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905-1906 г. и их значение. Санкт-Петербург, 1909.

ИсА – Исторический архив Омской области.

Ищенко, 2010 – Ищенко О.В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 2010.

Константинов, 1956 – Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX века до Февральской революции 1917 г. Москва, 1956.

Ленин, 1972 – Ленин В.И. Кризис меньшевизма / Полное собрание сочинений. Т. 14. Москва, 1972. С. 149-172.

Материалы, 1906 – Материалы по истории студенческого движения в России. Извлечение из книги А.И. Георгиевского «Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против

студенческих беспорядков». Выпуск 1. Москва; Санкт-Петербург, 1906.

Натансон, 1910 – *Натансон Я.* Русская студенческая молодежь по данным студенческих переписей (1872 – 1907 г.) // Вопросы обществоведения. Орган академической и научной жизни / Под ред. М.И. Туган-Барановского и П.И. Люблинского. Санкт-Петербург, 1910. С. 334-345.

Нимандер, 1908 – *Нимандер Е.П.* Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 гг. Санкт-Петербург, 1908.

Очерки, 1966 – Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Ч. 1: 1901-1920 гг. Иркутск, 1966.

Радин, 1913 – *Радин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи. Санкт-Петербург, 1913.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, г. Москва, Россия.

РГИА – Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург, Россия.

Революционное, 1924 – Революционное юношество. Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Сборник 1. Из истории революционного движения учащихся средних учебных заведений Петербурга. 1905-1917 гг. Ленинград, 1924.

Сибирская, 1899 – Сибирская жизнь. 1899. 12 марта.

Суржикова, 2014 – *Суржикова Н.В.* Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6-14.

Титлинов, 1924 – *Титлинов Б.В.* Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860-1905 гг. Ленинград, 1924.

Ученические, 1925 – Ученические социал-демократические организации до революции. – Москва; Ленинград, 1925.

Ушаков, Образцова, 1999 – *Ушаков А.В., Образцова О.А.* Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX-XX вв. Москва, 1999.

Федорова, 1996 – *Федорова В.И.* Народническая ссылка Сибири в общественно-политической и идейной борьбе в России в последней четверти XIX в. Красноярск, 1996.

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург, Россия.

Шамахов, 1966 – *Шамахов Ф.Ф.* Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907-1917 гг.). Томск, 1966.

Cherkasov et al., 2019 – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 208-214.

Magsumov, 2018 – *Magsumov, T.A.* Vocational school and studying youth in the Russian revolution of 1905 // *Terra Sebus*. 2018. 10: 289-313.

Molchanova et al., 2013 – *Molchanova, V.S., Cherkasov, A.A., Šmigel', M.* Youth and patriotic sentiments during the reign of Emperor Nicholas II // *Bylye Gody*. 2013. № 4(30). Pp. 88-93.

References

Baranskii, 1923 – *Baranskii N.* (1923). V ryadakh sibirskogo sotsial-demokraticeskogo soyuza (vospominaniya o podpol'noi rabote 1897–1908 gg.) [In the ranks of the Siberian Social Democratic Union (memories of underground work 1897–1908)]. Novonikolaevsk. [in Russian]

Cherkasov et al., 2019 – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.

Dinze, 1909 – *Dinze V.* (1909). Ocherki po istorii sredneshkol'nogo dvizheniya [Essays on the history of middle school movement]. St. Petersburg. [in Russian]

Erman, 1966 – *Erman L.K.* (1966). Intelligentsiya v pervoi russkoi revolyutsii [Intelligentsia in the Russian Revolution of 1905]. Moscow. [in Russian]

Fedorova, 1996 – *Fedorova V.I.* (1996). Narodnicheskaya ssylka Sibiri v obshchestvenno-politicheskoi i ideinoi bor'be v Rossii v poslednei chetverti XIX v. [Folk reference of Siberia in social-political and ideological wrestling in Russia in the last quarter of the XIX century]. Krasnoyarsk. [in Russian]

GA RF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Moscow, Russia.

GA AK – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of Altai Krai]. Barnaul, Russia.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Krai]. Krasnoyarsk, Russia.

Ganelin, 1950 – *Ganelin Sh.I.* (1950). Ocherki po istorii srednei shkoly v Rossii vtoroi poloviny XIX veka [Essays on the history of secondary school in Russia of the second half of the 19th century]. Leningrad, Moscow. [in Russian]

Isa – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of Omsk Region]. Omsk, Russia.

Ischenko, 2010 – *Ischenko O.V.* (2010). Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' kak faktor

obshchestvennogo dvizheniya i kul'turnoj zhizni Sibiri (konec XIX – nachalo XX vv.) [Pupils and students youth as a factor of social movement and cultural life of Siberia (the end of XIX – the beginning of XX centuries)]. Omsk. [in Russian]

Konstantinov, 1956 – *Konstantinov N.A.* (1956). Ocherki po istorii srednei shkoly. Gimnazii i real'nye uchilishcha s kontsa XIX veka do Fevral'skoi revolyutsii 1917 g. [Essays on the history of high school. Gymnasiums and real schools from the end of the 19 century to the February revolution of 1917]. Moscow. [in Russian]

Lenin, 1972 – *Lenin V.I.* (1972). Krizis men'shevizma [Crisis of Menshevism]. Polnoe sobranie sochinenii [Full collection of works]. Vol. 14. Moscow. Pp. 149-172. [in Russian]

Magsumov, 2018 – *Magsumov, T.A.* (2018) Vocational school and studying youth in the Russian revolution of 1905. *Terra Sebus*. 10: 289-313.

Materialy, 1906 – Materialy po istorii studencheskogo dvizheniya v Rossii. Izvlechenie iz knigi A.I. Georgievskogo «Kratkii ocherk pravitel'stvennykh mer i prednachertanii protiv studencheskikh besporyadkov» [Materials on the history of the student movement in Russia. Extract from A.I. Georgievsky's book "A Brief Essay of Government Measures and Propositions against Student Unrest."]. Vol. 1. (1906). Moscow, St. Petersburg. [in Russian]

Molchanova et al., 2013 – *Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Šmigel' M.* (2013). Youth and patriotic sentiments during the reign of Emperor Nicholas II. *Bylye Gody*. (4), 30: 88-93.

Natanson, 1910 – *Natanson Ya.* (1910). Russkaya studencheskaya molodezh' po dannym studencheskikh perepisei (1872 – 1907 g.) [Russian student youth according to the data of student censuses (1872 – 1907)]. *Tugan-Baranovsky, M.I. & Lyublinsky, P.I.* (eds.). Voprosy obshchestvovedeniya. Organ akademicheskoi i nauchnoi zhizni [Social science issues. Organ of Academic and Scientific Life]. St. Petersburg. Pp. 334-345. [in Russian]

Nimander, 1908 – *Nimander E.P.* (1908). Obzor revolyutsionnogo dvizheniya v okruge Irkutskoi sudebnoi palaty za 1897-1907 gg. [Review of the revolutionary movement in the district of the Irkutsk Judicial Chamber for 1897-1907]. St. Petersburg. [in Russian]

Ocherki, 1966 – Ocherki po istorii Irkutskoi organizatsii KPSS. Ch. 1: 1901-1920 gg. [Essays on the history of the Irkutsk organization of the Communist Party. Part 1: 1901-1920] (1966). Irkutsk. [in Russian]

Radin, 1913 – *Radin E.P.* (1913). Dushevnoe nastroyenie sovremennoi uchashcheysya molodezhi [The spiritual mood of a modern student of youth]. St. Petersburg. [in Russian]

Revolutsionnoe, 1924 – *Revolutsionnoe yunoststvo*. Iz proshlogo sotsial-demokraticheskoi uchashcheysya i rabochei molodezhi [Revolutionary youth. From the past Social Democratic student and working youth]. Sbornik 1. Iz istorii revolyutsionnogo dvizheniya uchashchikhsya srednikh uchebnykh zavedenii Peterburga. 1905-1917 gg. [Collection 1. From the history of the revolutionary movement of students of secondary educational institutions of St. Petersburg. 1905-1917]. Leningrad. [in Russian]

RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archives of Literature and Art]. Moscow, Russia.

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. St. Petersburg, Russia.

Shamakhov, 1966 – *Shamakhov, F.F.* (1966). Shkola Zapadnoi Sibiri mezhdvu dvumya burzhuazno-demokraticheskimi revolyutsiyami (1907–1917 gg.) [School of Western Siberia between two bourgeois-democratic revolutions (1907–1917)]. Tomsk. [in Russian]

Siberian life, 1899 – *Sibirskaya zhizn'* [Siberian life] (1899). [in Russian]

Surzhikova, 2014 – *Surzhikova N.V.* (2014). Ego-dokumenty: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobkhodimost'? [Ego-documents: intellectual fashion or conscious necessity?]. *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki*. Yekaterinburg. Pp. 6-14 [in Russian]

Titlinov, 1924 – *Titlinov B.V.* (1924). Molodezh' i revolyutsiya. Iz istorii revolyutsionnogo dvizheniya sredi uchashcheysya molodezhi dukhovnykh i srednikh uchebnykh zavedenii. 1860–1905 gg. [Youth and Revolution. From the history of the revolutionary movement among young students of spiritual and secondary educational institutions. 1860–1905]. Leningrad. [in Russian]

TsGAIPD SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. St. Petersburg, Russia.

Uchenicheskie, 1925 – Uchenicheskie sotsial-demokraticheskie organizatsii do revolyutsii [Student social-democratic organizations before the revolution] (1925). Moscow, Leningrad. [in Russian]

Ushakov, Obratsova, 1999 – *Ushakov A.V., Obratsova O.A.* (1999). Uchashchieysya srednikh uchebnykh zavedenii Rossii v obshchestvenno-politicheskom dvizhenii na rubezhe XIX–XX vv. [Students of secondary educational institutions of Russia in the socio-political movement at the turn of the XIX–XX centuries]. Moscow. [in Russian]

Volkov, n.d. – *Volkov V.S.* (n.d.). Moral'nye motivy uchastiya studencheskoi molodezhi v antipravitel'stvennom dvizhenii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Moral motives of student youth participation in the anti-government movement (late XIX – early XX centuries)]. Proceedings from Russia of the beginning of the XX century: entering the era of historical transformations: *Mezhdunarodnaya nauchnaya*

konferentsiya VII Plekhanovskie chteniya «Rossiya nachala XX veka: vstuplenie v epokhu istoricheskikh preobrazovaniy». [Elektronnyi resurs]. URL: <http://nlr.ru/tus/300505/volkov.pdf> [in Russian]

Zagrebin, 2014 – Zagrebin V.V. (2014). Podkhody k opredeleniyu kategorii «Molodezh'» [Approaches to defining the "Youth" category]. *Kontsept – Concept*. (2), 26-30. [in Russian]

Znamenskii, 1909 – Znamenskii S. (1909). Srednyaya shkola za poslednie gody. Uchenicheskie volneniya 1905–1906 g. i ikh znachenie [Secondary school in recent years. Student unrest of 1905–1906 and their significance]. St. Petersburg. [in Russian]

Вовлечение учащейся молодежи в протестное движение в России на рубеже XIX – XX вв.

Оксана Владимировна Ищенко^{a, *}, Тимур Альбертович Магсумов^{b, c, d}

^a Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, Сургут, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

Аннотация. На основе эго-документов авторы пытаются исследовать процесс формирования оппозиционных настроений в среде учащейся молодежи позднеимперской России, особое внимание уделив выявлению мотивов протестных действий, а также способов и приемов, с помощью которых на молодежь оказывали целенаправленное влияние представители революционных партий.

Основные причины вовлечения российской учащейся молодежи в активные действия протеста на рубеже XIX – XX вв. включали в себя ее несправедливое материальное положение, не только фактические, но и ярко осознаваемые молодежью. Это усиливал жесткий школьный режим, что усиливало влияние в молодежной среде революционных партий. В числе факторов формирования мировоззрения молодежи была современная семья и ее окружение, включавшее и ссыльных революционеров. На эту почву накладывалось активное чтение, совместное пение революционных песен, способствовавшие восприятию возвышенных идеалов и формировавшие дух товарищества, особенно в условиях скученного проживания на частных квартирах и в интернатах, участия в работе кружков.

Революционные партии ясно осознавали эти факторы, разработав комплекс мер для вовлечения учащейся молодежи в протестное движение и в свои ряды. Начиная с бесед на отвлеченные темы, включавшие житейские невзгоды молодых людей, притягательные своей моралью, а иногда и внешностью, лидеры революционеров переходили к предложениям построения нового мира после свержения нынешнего режима, а от них – к прямому привлечению молодежи к вспомогательной подпольной работе.

Ключевые слова: учащаяся молодежь, первая русская революция, движение протеста, история образования, Российская империя, чтение, революционные песни, революционные партии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: oksana5510@yandex.ru (О.В. Ищенко), nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)